

Избранные фрагменты из книги: *Шохин В.К.* Философия практического разума. Агатологический проект. СПб.: «Владимир Даль», 1920.

§ 1. Современное состояние систематизации философии. Философия отличается от конкретных наук тремя основными чертами (которые и не позволяют считать ее наукой, по крайней мере в современном смысле) – глобальностью своих базовых тем, постоянной ретроспективной авторефлексией (что такое философия, ее методы и цели суть нормативные философские вопросы, тогда как что такое химия или биология не являются собственно химическими или биологическими) и при этом отсутствием линейного или хотя бы кумулятивного прогресса в своем развитии. Последний момент совпадает с тем, что когда философы говорят о кризисе философии, – а делают они это очень часто -- это далеко не всегда является риторическим приемом. Каждому этот кризис видится с точки зрения его собственных представлений – представлений о том, в какой мере «сущее» философии соответствует ее «должному», и я не являюсь исключением из правила. Кризисы, как и все остальное, можно поделить на малые и значительные. Ко вторым можно отнести тот факт, что две большие ветви западной философии – аналитическая и называемая континентальной¹ – все более отдаляются друг от друга, а попытки их конвергенции приводят как правило к методологическому эклектизму². Но есть и та кризисная точка, в которой обе ветви совпадают.

Речь идет о том, что в последние примерно полстолетия – и чем дальше, тем больше – имеет место движение философии в двух взаимопротивоположных направлениях. Философские лексиконы фиксируют все больше самых причудливых «философий чего-то», которыми занимаются всерьез (или делают вид, что это делают), таких, как философия музыки, медицины, войны, любви, сексуальности, на философских конгрессах учреждаются секции по философии спорта (думаю, что скоро будут различаться философии

¹ Говорю «называемая» потому, что это – чисто конвенциональное обозначение. В «континентальную философию» входит все – от томизма до марксизма. Поэтому научное значение данного термина – не большее, чем у «восточной философии», поскольку между индийской философской традицией, китайской и арабо-мусульманской различия (притом структурные) бóльшие, чем между ними по отдельности и философией западной. Рассматриваемый же термин употребляется преимущественно в «противопоставительном значении» - когда есть желание (с той или с другой стороны) противопоставить аналитическую философию чему-то «равномасштабному» или, напротив, противопоставить его ей.

² Один из наглядных примеров дал постмодернист Ричард Рорти, Эпистемологии как ложному пути в философии он противопоставлял герменевтику (в своем понимании), которую также, конечно, следует избавить от платоновско-кантовского культурного слоя (на деле балласта), но которая (при поддержке бихевиоризма, прагматизма и теории науки Т. Куна) имеет шанс вывести философию из тупика нормативов в свободу «разговора», избавленного от обязательств перед требованиями «репрезентации» и «соизмеримости». См.: [Рорти, 1997, с. 233–238].

мужского спорта и женского, тяжелой и легкой атлетики и т.д.), не говоря уже о том, что едва ли не каждая область и отрасль науки обзаводится своей философией (прямо по рецепту А.Шопенгауэра – см.ниже). И одновременно такая важнейшая область метафилософии, как структуризация философских предметностей как таковая, которая взяла вершины уже в IV в. до н.э. и пережила ренессанс в XVIII – XIX вв., находится в состоянии «прогрессирующего склероза». Иными словами, при усиленном и нередко «бездумном» росте деревьев деградирует лес. На самом деле это процесс двуединый: при обозначенном философском популизме («институционализация» философий войны, сексуальности и спорта свидетельствует о значительной зависимости современного философствования от телевидения и интернета) разработка, или по крайней мере репрезентация, предметной структуры философии становится почти факультативной. Явление серьезное. Постоянное стремление к уточнению предметной систематизации философии до совсем недавних пор всегда составляла уникальную особенность европейской традиции: при всем изобилии тематических параллелей в обеих автохтонных философских традициях Востока (индийской и китайской), самой тематизации философских тем там не было³.

Не буду голословным. В аналитической философии авторефлексия, как кажется, только еще начинается⁴, поскольку она ориентируется на форматы естественных наук, а химик вполне может заниматься своим конкретным делом, не углубляясь специально в то, что такое химия и какие ее «отсеки» должны быть кроме того, в который он «зачислен», и то же относится к физику, биологу и другим ученым. Так, скажем, в знаменитой «Стэнфордской энциклопедии по философии» при всем желании не удастся найти статью, посвященную этой теме, при том что с отдельными дисциплинами там проблем нет (даже с самыми экзотическими – например, с «философией макроэволюции» – с ссылками на исследования в области «философии палеонтологии»⁵), что относится и к более популярной

³ Она представлена была в арабо-мусульманской философии, но только начиная с трансплантации туда перипатетизма. В китайской культуре функционировал термин zhéxié, составленный из значений «мудрый» и «изучать», а потому семантически очень близкий к φιλοσοφία, но с предметными делениями «изучения мудрости» он никак не был связан. В индийской самым ближайшим коррелятом «философии» был термин ānvīkṣikī, означающий «исследование», но его содержание определялось через последовательность аналитических процедур, но не через предметность этого исследования.

⁴ Об этом свидетельствует хотя бы то, что осмыслять сам феномен *аналитическая философия* и историю соответствующего понятия аналитики начали совсем-совсем недавно, не без стараний Аарона Престона, который в 2000-е годы в своих несправедливых, но провокативных публикациях задался вопросом о том, не является ли она лишь конвенциональным (в сущности иллюзорным) понятием. См. Небольшую, но очень серьезную публикацию [Foster-Arnold, 2017]. Противоположность составляет континентальная феноменология, в которой рассуждение о методе и самопонимании осуществляется за счет решения конкретных проблем: смысл вопрошания здесь в самом вопрошании, а не в ответах на него.

⁵ См. специальную новейшую и весьма объемную статью: Turner D., Havstad J.C. Philosophy of Macroeolution: <https://plato.stanford.edu/entries/macroeolution/> :

«Интернетовской энциклопедии по философии» и что, конечно, свидетельствует о приоритетах дискретного мышления перед континуальным. Во многих случаях составители введений в философию, учебников, энциклопедических статей и сайтов выделяют «по обязанности» и без каких-либо обоснований, 4, 5, 6 или 7 основных ее «ветвей», добавляя к ним дополнительные просто по вкусу.

Поэтому самая «связная» классификация философских дисциплин, которую по крайней мере я смог разыскать в этой традиции, была представлена в очень авторитетном «Оксфордском руководстве по философии» Теда Хондерика. В первом приложении к ней были представлены «карты философии» (maps of philosophy) – название, кстати, удачное. Но вот в первой из них философия была «нарисована» в виде трех концентрических кругов, в центральный из которых были вписаны эпистемология, метафизика и логика, (вместе с философской логикой), в следующий – этика вместе с философиями науки, сознания и языка и в третий – эстетика вкупе с философиями образования, истории, права, математики, религии, а также с политической и социальной философией. Эти «круги» объясняются тем, что философия занимается или тем, что есть, что может быть познано и как, а также теми условиями, которым должно отвечать когерентное мышление. Обоснование же распределения включаемых «единиц» в том, что этика часто предполагает теорию импликации, которая относится к логике и философской логике, а политическая философия – этику. Другая схема, близкая «циркулярной», но не до конца, есть простое распределение философских дисциплин по «группам»: (1) эпистемология и философия науки («условия, при которых мы можем что-то познавать»); (2) метафизика, философия сознания, философия религии («о том, что есть»); (3) эстетика, этика, политическая философия («вопросы, связанные так или иначе с ценностью»); (4) логика, философская логика, философия языка, философия математики («абстрактные структуры и в особенности структура любого когерентного мышления»); (5) философия образования, истории, права, социальная философия («немного лоскутная, поскольку состоит из философских проблем, обращенных к различным специальным предметным областям»), с уточнением, что есть еще и философия действия, которую трудно дальше «специализировать» вследствие универсальности ее предмета⁶. Логико-эпистемологический крен в этих схемах очевиден, но находится в «нерабочем состоянии»: этика опирается на теорию импликации, пожалуй, в наименьшей степени из всего, на что она может опираться, а какие основания философию логики и математики отделять от философии науки (при фактическом разделении в самой философии точных и гуманитарных наук) автор статьи (Ален Лэси) никак не

⁶ Honderich, 1995, p. 927-929.

«расшифровал» (видимо, дефицит той самой «когерентности» позволил ему считать, что философия математики к философии науки не относится), да и отделение философии религии от «философий ценности» свидетельствует о том, что «гуманитарные философии» он представлял себе очень слабо.

По пути посадки деревьев при вырубке леса пролагаются и в Европе. Например, новейший историографический справочник-памятка по всем «философским регионам», только что изданный в Люцерне, содержит библиографические единицы по отдельным философским дисциплинам (второе издание – 2014) в количестве 15 (от эстетики до теории науки) при отсутствии отдельного выпуска, посвященного предметной структуре философии в целом⁷. И все же в немецкоязычной традиции никогда недостатка в структуризации философии не было, так как именно она несла всегда основной груз философской авторефлексии⁸. И вот некоторые новейшие показатели. Во «Введении в философию» очень современно мыслящего томиста Арно Анценбахера, которое выдержало к 2010 г. 14 (!) изданий и действительно является одним из самых историко-философско-фундированных текстов этого жанра, делению философии (Einteilung der Philosophie) уделено всего две странички из четырехсот (!)⁹, за которыми следуют развернутые тематические разделы в последовательности «Философия бытия», «Философия Я», «Третий раздел» (от Абсолюта к Истине, через системы Гегеля, Маркса, аналитическую философию, философию языка, франкфуртскую школу, сверхчеловека Ницше и постмодернизм), «Логика и теория науки», «Человек», «Этика» и «Бог». Представляется, что этот хорошо организованный хаос (кульминирующий в «третьем разделе», который действительно трудно было как-то озаглавить по-другому, чем как только третий) коррелирует с пренебрежением к традиционным систематизациям философии. Авторитетным является и меньшее по объему «Философствование: введение в философию» (посмертное издание -- 2002) очень известного философа Хайнца Райнера, в котором философские дисциплины рассматриваются после (не до!) метафизики (тематизируется прежде всего Кант), «вопроса о сущности бытия и потустороннем существовании» (тематизируются Декарт и Лейбниц), а также «тем метафизики и онтологии» (куда включаются «проблема бытия», формы идеализма, а также теории познания, которая перемежается с проблемами основания бытия и бессмертия), а в эти дисциплины (теория

⁷ Einführungen, 2014. S. 5-12.

⁸ В настоящее время это положение дел начинает меняться. Наряду с теми введениями в философию, которые следуют традиционному «дисциплинарному» принципу, все чаще появляются такие пособия этого жанра, где о дисциплинах вообще не идет речь, но о стилях философствования, о самых больших философских проблемах, волнующих человечество, или авторы просто начинают вводить читателя в историю философии без обеспечения его требуемой для этого понятийной сеткой.

⁹ Anzenbacher, 2010. S. 52-53.

познания как дисциплина была рассмотрена в другом разделе) включаются натурфилософия, философская антропология, этика, эстетика, философии религии и истории (после чего излагаются философские школы и направления)¹⁰. Из этого следует, что в оптике философа метафизика и эпистемология (которая включается в «метафизику и онтологию») находятся за границами философских дисциплин. Таким образом, здесь «хаос неорганизованный», из чего видно, что пренебрежение традиционной структуризацией философии и деструкция философской рациональности явления тесно коррелятивны.

Более традиционной (и рациональной) видится презентация введений в философию в более популярном формате. Один из очень известных примеров – пятичастный «Основной курс философии» Вольфганга Детеля (2007), томики которого распределены в последовательности: логика; метафизика и натурфилософия; философия духа и языка; теория познания и науки; философия социального¹¹. В самом деле, философские дисциплины можно рассматривать приблизительно и в такой последовательности (хотя столь значительное «текстовое дистанцирование» эпистемологии и теории науки от логики не представляется убедительным). Нет, однако, томика предваряющего, который был бы посвящен истории структуризации философии и самому обоснованию того, почему именно такая последовательность дисциплин предпочтена автором, а не другая.

Несколько лучше с рациональностью обстоит дело в образовательных программах и учебных курсах, составители которых «по долгу службы» должны уделять более внимание разделам философии, поскольку апеллируют пока еще к «начинающим», а не к «продвинутым». В одном из них они делятся на *как бы основные* (антропология, этика, эстетика, метафизика и онтология, логика, теория познания и науки, философия языка) и «предметные дисциплины» (*fächerverbindende Disciplinen*), в последовательности философия истории, философия религии, философия права, социальная и политическая¹². Из этого видно, что они, как и многие другие, считают «философии чего-то» (я их предложил в свое время называть философиями родительного падежа¹³) вторичными по отношению к базовым дисциплинам, но их последовательность никак не объясняется¹⁴, равно как и то, почему философия науки (относящаяся к тому же классу) попала в первый

¹⁰ См.: [Reiner, 2002].

¹¹ См.: [Detel, 2007].

¹² Kunzmann/Burkard/Wiedemann, 1991. S. 11, 13.

¹³ См. об этом специальную статью [Шохин, 2010].

¹⁴ Правда, надо отдать им должное, они угадали, что первой из этих философий (значительных) самообозначилась в XVIII веке, действительно, философия истории, которую «ввел» Вольтер, вслед за ней философия религии, «институционализованная» Зигмундом фон Шторхенау, а вскоре после нее и философия права. Это свидетельствует об их большей интуиции в сравнении с именитыми авторами современных «Введений в философию».

ряд (разве только что «по соседству» с эпистемологией). Последовательно и системно раскрывается предметная структура философии в получившем хорошую известность курсе профессора теоретической философии философского факультета Дрезденского технического университета Хольма Броера «Введение в теоретическую философию» (2011). Системность выражается в том, что, во-первых, предметный куррикулум предваряет изложение проблем, и, во-вторых, в том, что теоретические философские дисциплины предваряют в нем остальные (а не просто представляются себе). В целом получается классификационная триада: 1) разделы теоретической философии – философия языка, теория познания, теория науки, онтология и метафизика, философия духа (сознание, мышление, дух и нейрофизиологические механизмы, дух и природа); 2) разделы практической философии – философская антропология (что есть человек? чем он отличается от других живых существ?), этика, политическая философия, философия права, социальная философия; 3) «дальнейшие дисциплины» – философия истории, философия техники, философия религии, эстетика, философская логика¹⁵. Преимущества этой схемы перед предыдущей очевидны: во-первых, здесь есть эксплицированный принцип деления, отличный от того, при котором одни философские дисциплины видятся «на глазок» как бы первичными, а другие как бы вторичными; во-вторых, сами «философии родительного падежа» очевидным образом распределяются по двум первым группам, а не сваливаются в одну кучу только потому, что они «философии чего-то»; в-третьих, честно признается, что есть немало дисциплин, которые нельзя без насилия впихнуть в одну из двух основных групп. Разумеется, недостатком схемы является то, что эти «дальнейшие дисциплины» никак далее не дифференцируются при всей их предметной разнородности. Не совсем понятно также почему, например, философская антропология относится к практическим дисциплинам, а философия техники не к ним, а к «дальнейшим». Однако стояние за то, что философские дисциплины делятся на те, что занимаются так или иначе проблемами умозрительными, а другие жизненными, обеспечивает хорошую базу для дальнейшей классификации. Эта классификационная база имеет и солидную историческую опору в виде двух с половиной тысячелетий метафилософских размышлений.

§ 2. Об основаниях практической философии. Если в этике полным ходом реализуется конкуренция и одновременно симбиоз основных «мегапрограмм», которые атомизируются на множество дальнейших «измов», то сколько-нибудь заметное

¹⁵ См.: https://tu-dresden.de/gsw/phil/iphil/theor/ressourcen/dateien/braeuer/lehre/theophil_8/Einfuehrung-in-die-Theoretische-Philosophie-SS-2011.pdf?lang=en

теоретизирование в области систематизации практической философии в сравнении не только с XIX, но и с XVIII веком нам по крайней мере неизвестно.

Причина этого нам уже известна: деградация метафилософии как таковой, которую мы уже идентифицировали прежде всего, как притупление способности видения леса помимо отдельных деревьев. Причины же этого явления раздваиваются. Одна связана с самой современной философской оптикой, которая все более становится способной на разглядывание фрагментов, даже фракций бывшего целого (никак нельзя не вспомнить пронзительную картину фрагментаризации современной этики у А. Макинтайра -- § 1). Но есть и причина объективная, которая связана с тем, что философии-чего-то множатся как разлетающиеся галактики, а потому у того, кто хотел бы предметные поля философии систематизировать и тем более осмыслить в их отношении друг к другу должны возникать «проблемы с дыханием». Понять это можно, а принимать вряд ли стоит, если, конечно, не распространиться с «устаревшей» идеей определенной ответственности философии за весь познавательный процесс, который, в свою очередь, по мудрейшему изречению древнего оракула, следует начать с «Познай самого себя». Познание философии в области собственного предметного устройства на стадии современности осуществляется либо «на глазок» -- исходя из того, что тому или иному «метафилософу» кажется более и что менее важным, -- либо при опоре на некоторые традиционные ее деления. Второе, конечно, значительно лучше, чем первое, но ничего нового и содержательного одновременно в сравнении теми делениями здесь не достигается (см.: **Глава 1, § 1**). Поэтому и нам здесь кажется предпочтительнее выбирать, корректировать и развивать некоторые прежние достижения в этой области, чем заниматься «первооткрытиями».

Как хорошо известно, вначале Кант отдавал предпочтение (с оговорками) трехчастному делению философии у стоиков на логику, физику и этику, затем аристотелевскому делению на философию теоретическую и практическую (см.: **Глава 8, § 3**), а затем сам разметил ее предметное поле в виде области ответов на четыре основных вопроса: (1) что я могу знать? (2) что я должен делать, (3) на что я смею надеяться? и, наконец, (4) что есть человек?¹⁶ К этой схеме можно предъявлять претензии (прежде всего в связи с тем, что самый первый вопрос отражал его личный «коперниканский переворот», который не может претендовать на «общепринятость»), но она имеет то серьезное преимущество, что сам субъект философствования просматривается здесь как, если можно так выразиться, более интенциональный, чем в классических делениях – как тот, кто ставит

¹⁶ В знаменитом по причине этой формулировке письме к протестантскому теологу К.-Ф.Штойдлину щт 04.05.1793. При этом Канта можно понять таким образом, что первые три задачи он уже решил, а решение последней осуществляет в своем курсе лекций по антропологии. См.: [Kant, 1910. Bd. II. S. 366]

перед собой в самом познании определенные цели, а не только «отражает действительность». Что же касается практической философии, то она непосредственно попадает в «отсек» (2), но опосредованно также в (3), тогда как фундироваться может и должна в (4).

А для систематического представления о практической философии (которая в настоящее время мыслится нередко как «слив» для всего, что не попадает в теоретическую философию, как и «прикладная» для того, что не попадает в практическую – см.: **Глава 1, § 1**) следует запастись по крайней мере двумя твердыми представлениями. Это идеи о том, нет ли среди ее дисциплин более приоритетных, чем другие, и что собственно составляет приоритет в самой ее предметности или, по-другому, интенциональности. Посмотрим, чем мы здесь можем обогатиться из философского наследия.

Касательно приоритетности в ее дисциплинах нас хорошо может ориентировать все тот же Аристотель. Мы знаем, что в «Эвдемовой этике» практические науки распределялись на практическую рассудительность (φρόνησις), политику (πολιτική) и экономику (οἰκονομική). Что сам этот их порядок не был случаен, поскольку практическая рассудительность (φρόνησις πρακτική) в определенном смысле отождествлялась с политической деятельностью и приобретает статус управляющей, «строительной» науки (так она и называлась у Аристотеля -- ἀρχιτεκτονική), которая применяется и в законодательстве, где, решаются, как видно из контекста, общие вопросы, и в политике. А также что эта рассудительность делилась на хозяйственную, законодательную и государственную, тогда как последняя, далее, на рассудительность в принятии решений и в судопроизводстве (см.: **Глава 1, § 2**). Очень интересно, что среди этих применений заглавной «практической науки» не находится места для этики (если, конечно, не считать ее частью политики), а также, что положение «рассудительной науки» среди практических соответствует положению «первой философии среди теоретических», но только сама иерархизация здесь совсем другая – исходя не из онтологического статуса объектов соответствующих дисциплин, а из главенства в применимости одной из них в других. Однако после Аристотеля, как мы могли убедиться, ничего связного по поводу этой иерархизации дисциплин практической философии сказано не было.

Больше и яснее было сказано о смысловой идентичности практической философии. Четче всего о ее предмете и задачах выразился Христиан Вольф, давший ей, как мы знаем, определение в качестве дисциплины, занимающаяся внешними и внутренними действиями, и желаемыми и нежелаемыми, и осуществляемыми и избегаемыми, тогда как «общая практическая философия» (philosophia practica universalis) определялась им как наука, регулирующая свободные действия через установление всеобщих правил (см.: **Глава 1, §**

2). Последняя формулировка сближает Вольфа с деонтологистами. Однако сам основоположник деонтологической этики, Кант, пошел дальше «правил». Практические задачи практической философии мыслились им как приобщение людей к моральному закону через идеал всеобщего царства целей самих по себе (*ein allgemeines Reich der Zwecke an sich selbst*), а именно как разумных существ, могущих принадлежать к интеллигибельному миру при том условии, что мы будем вести себя в строгом согласии с правилами свободы (см.: **Глава 1, § 3**). Но вспомним, что наиболее четкую идентификацию предметности практической философии предложил последователь и одновременно оппонент Канта Якоб Фридрих Фриз в книге, которая так и называлась «Руководство по практической философии, или философское учение о целях» (1818). Если философия спекулятивная должна заниматься законами мироздания и идеями о его единстве, то учение о цели есть область разума практического. Для практической философии, или философского учения о человеческой мудрости (*Menschen-Weisheit*), исходным является понимание цели как блага (*das Gute*), а потому это учение о том, что в мире человеку представляется благом, и о том, что должно быть благом в его жизни (см.: **Глава 8, § 4**). Для значительного и хорошо цитируваввшегося в свое время философа и психолога Фридриха Йодля сущность «практических дисциплин» (куда также включается «новая триада» логики, этики и эстетики) в том, что они рассматривают человеческое сознание под углом зрения «целей человеческой жизни» и стремятся к тому, чтобы давать указания как личность должна себя вести, чтобы этим целям соответствовать (см.: **Глава 1, § 4**).

Цели не обязательно понимать так, как это делал Кант. Но то, что исследование «царство целей» может быть положено в основание практической философии, сомнению подлежать не может. Практическая философия по определению должна заниматься действиями и их мотивами в любой области человеческой жизнедеятельности, а действия и мотивы определяются целями, а потому она по определению должна быть и *телеологической*. Философское изучение (а это изучение может быть и другим – психологическим) не только целей, но и мотивов, интересов и личностных проектов ведет к размышлению над значимостями, а значимости разнятся. Цели же могут направляться не только благами, но и предпочтениями и ценностями, но преобладающие разумные их основания (не эмотивные, как то имеет место в страстях) определяются представлениями о благах (см.: **Глава 11, § 2**). Поэтому общее учение о целеполагании основывается в значительной мере на рефлексии над «благополаганием».

И это относится не только к жизни индивидов. В этой связи весьма перспективной представляется и работа А.Макинтайра над самим *практика*, которая была определена им среда реализации определенных общественных благ (см. **§ 1**), но он только начал тут то, что

требуется продолжить -- начиная с того, чтобы обозначить типологию практик в их отношении к «внешним» и «внутренним» благам¹⁷. Но нуждаются в специальном исследовании в рамках практической философии и границы только что перечисленных понятий «интересы» и «личностные проекты», которые недостаточно только использовать в речи. Практическая телеология должна быть заложена в основание и конкретных дисциплин, которые есть основание включать в практическую философию без всяких колебаний.

Собственно говоря, в некоторых из них и в настоящее время ведутся телеологические дискуссии, участники которых не знают, что они и агатологические. Так, если взять философию образования, которая относится к группе дисциплин практической философии по всем статьям, поскольку образование – крупнейшая в истории и современности человечества практика, -- то мы обнаружим, что основные позиции касаются расхождения в идентификации основных целей образовательного процесса. Некоторые теоретики считают таковыми (и это вполне понятная позиция) приобретение учащимися знаний, развитие любознательности, воображения, рациональности и способности к самостоятельному мышлению наряду с приобретениями и прочих когнитивных навыков¹⁸. Другие идут дальше, считая что цели образовательного процесса должны быть связаны также с подготовкой учащихся к тому, что называется «процветанием» (flourishing) и «благой жизнью» (good life)¹⁹. Но здесь возникают дальнейшие дискуссии, касающиеся того, должны ли учебные институты проецировать модель этой «благой жизни», если нет единого мнения о том, в чем она должна состоять и следует ли этим организациям давать учащимся и студентам готовые рецепты по ее осуществлению, не ожидая того, когда они сами придут к ее пониманию. В основном сходятся на том, что образовательный процесс должен содействовать развитию личностной автономии, но есть разные точки зрения на то, в чем эта автономия должна прежде всего выражаться. Некоторые считают, что как раз в стремлении к тому же «процветанию», но другие, под влиянием кантовской философии, к тому, что целью самой автономии должно быть (само) уважение учащихся²⁰. Третьи полагают, что эта установка на автономию должна выражаться в воспитании в них «фундаментальных интересов»²¹. Четвертые же вообще не считают, что эта «автономизация» учащихся должна рассматриваться среди целей образовательного

¹⁷ Не бесспорным, правда, является само допущение внешних блага наряду с внутренними. То, что Макинтайр считает внешними благами я бы скорее отнес только к интересам.

¹⁸ См., к примеру [Siegel, 2007].

¹⁹ См., к примеру [Curren, 2013].

²⁰ См., к примеру [Scheffler, 1989].

²¹ См., к примеру [Brighouse, 2009].

процесса²². Эти вопросы конкретизируются в применении к определению целей учебных программ. Пол Хирст и Д. Филлипс, считающие, что когнитивные задачи в учебном процессе важнее воспитательных, предложили считать, что целью данного процесса является посвящение учащегося хотя бы в один из основных видов познания (первый из них насчитывал их семь)²³, тогда как Шеффлер видит задачу куррикулума к наиболее экономному формированию навыков «самодостаточности»²⁴. Все это проблемы телеологические, а потому и агатологические. Но те же проблемы с неизбежностью встают и в других ветвях практической философии, таких, как философия техники, философия права, философия общества и государства, да и философия экономики (которую, как мы знаем, благословил еще Аристотель) не может не затрагивать вопросов этого порядка в первую очередь. То, что и в такой «практике», как моральное поведение целью является реализация благ, кажется, следует из предложенного сопоставления основных этических программ (§ 1). А потому возможно представить себе создание и общей теории целеполагания, учитывающей таковые в отдельных практических дисциплинах. А если это так, то в архитектуре системостроения *агатологическая телеология* могла бы вполне заместить аристотелевскую практическую рассудительность (φρόνησις πρακτική) в качестве «первой практической философии» (особенно с учетом того, что пока что реальной альтернативы этой аристотелевской дисциплине, как мы знаем, не нашлось).

Однако понятие общественного блага, а главное признание его значимости для существования обществ и всего мира с необходимостью должно быть реабилитировано в эпоху современных острейших вызовов. Речь идет прежде всего о таком преобладающем в настоящее время, прежде всего в Европе, понимании прав человека, которые абсолютизируются, фактически обособляются от всего остального. Великая концепция естественных прав (*jux naturali*), восходящая к контрпозиции природы (как окружающей, так и человеческой) и государственных законов в древнегреческой философии., практически сформулированная гениальным Цицероном (см.: **Глава 5, § 3**), выдержавшая проверку временем в течение всего «расширенного средневековья», обоснованная в «Трактатах о правлении» Локка (см.: **Глава 8, § 2**) и вошедшая в «Декларацию о независимости Соединенных Штатов» (1776)²⁵, предполагала несколько вещей, которые

²² См., к примеру [Hand, 2006].

²³ См.: [Hirst, 1965] [Phillips, 1987]

²⁴ Она должна выражаться, по его мнению, в самоосознании, умении творчески взвешивать различные способы действия, понимание выборов и образов жизни других людей, в решительности без жесткости, свободе от стереотипных способов мышления, в восприимчивости, эмпатии, интуиции, критическом и независимом мышлении [Scheffler, 1989, p. 123-125]

²⁵ Томас Джефферсон, основной составитель текста, был очень большим почитателем Цицерона, но и локковские идеи тщательно инкорпировал в свой текст. В результате преамбула его Декларации начинается с констатации того, что люди созданы Богом с одинаковыми неотчуждаемыми правами (которых

отсутствуют в сознании теоретиков прав человека. Среди них – принципиальная несводимость естественных прав как вечных к юридическим как контингентным, их укорененность в «метафизических началах» этого мира (будь то разум, инкарнирующий мировой Логос или разум, созданный по образу Бога), неразрывная связь с обязанностями и, наконец, с общественными благами. Между тем разрыв прав с этими благами, которые имеют конечный *raison d'être* в высшем благе, прямо ведет к саморазрушению того общества, для которого право стало средством защиты практически любых потребностей индивида. Цивилизацию, в которой террористы имеют право выигрывать процессы у государства²⁶ и пользуются тем односторонним правом на жизнь, которое при современном законодательстве «цивилизованных стран» содействует отнятию ее у их жертв, а правовая система фактически разрушает институт семьи, существенно потесняя и разнополюсные отношения в целом²⁷, нельзя иначе оценить, чем как суицидальную. А ведь с точки зрения практической философии эта ее траектория есть «всего лишь» поправление юридическими нормами общественного блага, при должном учете которого все вышеперечисленное не было бы возможно. Поэтому в современном мире агатология является не только философски востребованной, но и актуальной для выживания человеческого рода.

три – права на жизнь, свободу и на стремление к счастью), что формы правительства учреждены для того, чтобы их обеспечивать и что если какая-либо из них становится губительной для этих целей, то она может быть упразднена и заменена.

²⁶ Речь идет о норвежском нацисте Андерсе Брейвике, который в 2011 году за два дня уничтожил 77 человек, а затем в тюрьме по ходатайству адвокатов, заботящихся о том, как ему лучше адаптироваться к жизни после освобождения (!), отстаивали его право учиться заочно в университете Осло, а после того, как он подал иск на правительство в размере 40 000 \$ за пребывание в «нечеловеческих условиях» (ему подавали недостаточно теплый кофе и еду из микроволновки) и вынужденные расходы на адвокатов, суд в Осло постановил его удовлетворить, и только апелляционный суд стал на сторону правительства, после чего адвокаты решили обжаловать его решение в Европейском суде по правам человека.

²⁷ Законодательства некоторых европейских стран, например Италии, требующие от мужа после развода (не обязательно даже по его инициативе) пожизненно содержать жену вряд ли могут способствовать желанию мужчин идти на столь рискованное предприятие как брак, а кампании исков от женщин за действительные (хотя и вряд ли односторонние) и мнимые «домогательства» призваны убедить тех же мужчин, что однополюсные связи также не только престижнее (как разными способами внушает населению очень влиятельное либеральное общественное мнение), но и куда как безопаснее.